

ДИСКУССИЯ БЕЗ ПРОТИВОРЕЧИЙ В КРАТКОМ ИЗЛОЖЕНИИ ТРЕХ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ XX ВЕКА

ИРИНА ПРИОРОВА,

Российский новый университет, Москва, Россия

e-mail: ispiryanmariam@aspu.am

DOI: 10.24234/scientific.v1i44.49

АННОТАЦИЯ

В статье затрагиваются вопросы о системности и эстетике языка в сравнении взглядов трех выдающихся лингвистов XX века. Их суждения о непрерывности языкового преобразования отличаются оригинальностью по проблемам системы и нормы языка. Несмотря на принципиально разные подходы К.Фосслера, Э. Косериу и Р.А. Будагова в осмыслении эстетической функции языка, их взгляды объединяет норма языка, которая постоянно испытывает мощное давление со стороны всевозможных субстандартных проявлений. Сопоставление трех независимых лингвистических позиций строится как своеобразная дискуссия без противоречий на анализе системы и нормы, эстетики языка и языковой формы. Прогнозы по этим вопросам актуализируются особенно жестко в периоды серьезной перезагрузки коммуникативного пространства. Изменение нормативной основы является неизбежным процессом любого национального языка и четко прослеживается на функциональном уровне. Поэтому механизмы изменения нормы не зависят от признания или непризнания системности языка и его уровней, но строго соотносятся с эстетической функцией. Сама по себе эстетическая функция языка интересует лингвистов особенно тогда, когда в смене времен происходят тектонические смещения эталонных позиций нормы.

Ключевые слова: эстетический идеализм, эстетические ресурсы, динамичность языка, язык-знак, язык-внушение, равновесие системы, языковые навыки.

ВВЕДЕНИЕ

Непрерывность языкового развития теоретически отражается в меняющихся научных парадигмах. В лингвистических прогнозах уделяется большое внимание вопросам нормы в динамике языковых преобразований. Норма и системность языка остаются ключевыми понятиями в спорах разных научных направлений и лингвистических школ. Антропоцентрическая парадигма в языкознании, «которая пришла на смену формальному описанию языка, существенно расширила границы его изучения: системно-структурная организация языка "ожил" и "очеловечилась", стала более ... интересной для исследований» (Приорова, И.В., 2016). Идеи К. Фосслера (Фосслер, К., 1910), Э.Коссериу (Коссериу, Э., 2001) и Р.А.Будагова (Будагов, Р.А., 2001), которые отличаются своей оригинальностью и, на первый взгляд, кажутся несовместимыми, в результате дополняют друг друга, потому что в совокупности все три взгляда «транслируют многомерность» языка через «непрерывное дыхание времени» (Приорова, И.В., 2016). В этой статье мы объединили в одну дискуссию взгляды «ученых о сути языка и тенденциях его развития» (Приорова, И.В., 2014). через «эстетику» нормы и ее роли в языковых изменениях.

Изменение нормативной основы является неизбежным процессом любого национального языка и хорошо прослеживается на функциональном уровне. Сопоставление трех независимых лингвистических позиций определяет *новизну* нашего исследования. А поскольку проблемы соотношения системы и нормы, эстетики языка и языковой формы не утрачивают своего значения в периоды серьезной перезагрузки коммуникативного пространства, то своеобразная дискуссия, выстроенная нами на основе разных концепций, определяет *актуальность* нашей статьи. Дискуссия без противоречий дает основание полагать, что разные подходы очень полезны для исследования актуальной проблемы дня. *Объектом* нашей статьи стал материал наших предыдущих работ об эстетической функции языка, поскольку эта функция касается и грамматической системы тоже. Грамматический аспект в теории «эстетического идеализма К. Фосслера» (Приорова, И.В., 2011). представлен оригинально и неоднозначно.

Именно поэтому мы решили сопоставить эту теорию с другими, более поздними, чтобы оценить ее значение сегодняшним днем, что и является *предметом* нашего исследования.

За основу *методологии* мы взяли описательный метод, включающий прием интерпретации, и метод анализа и синтеза на основе сопоставления и обобщения, поскольку теория вопроса раскрывается с разных сторон: во-первых, структуры и нормы; во-вторых, стилистики определенной эпохи и, наконец, в сравнении с другими концепциями. Обобщая взгляды трех выдающихся лингвистов XX века, мы руководствовались тем, что в XXI веке объективные закономерности в самоорганизации языковой системы так или иначе соотносятся с неизбежными объективными процессами изменения нормативной основы русского литературного языка, которые разрушили устоявшийся эталон XX века и изменили в целом эстетику речи.

Эстетика и поэтичность языка проявляются лишь в процессе его функционирования. Рефлекторное использование многомерных выразительных ресурсов так или иначе делает носителей языка «креативщиками». В благоприятные периоды, как, например, в России 50-80 гг. XX в., когда литературный язык повсеместно используется как языковой стандарт для большинства, всегда были те, кто расширял рамки стандарта. Нарушение стандарта начинается кем-то и когда-то, а переходит в «массовое новаторство», способствуя обновлению языковых ресурсов и изменению эталона. Если принять, что язык и культура взаимообусловлены, то в числе функций языка (коммуникативной, кумулятивной, когнитивной и пр.) эстетическая (поэтическая) функция не может быть факультативной. Если с помощью первых трех язык влияет на культуруформирующую и социорегулирующую основы общества, необходимые для развития социальной истории цивилизации, то эстетическая функция языка транслирует изменения социокультурного порядка, определяющие духовный рост цивилизации.

МЕТОДОЛОГИЯ

1. Концепция эстетического идеализма, автором которой является немецкий

филолог Карл Фосслер (1872–1947), традиционно считается альтернативой сравнительно-историческому языкознанию: ее истоки заложены в философии Гегеля и трудах неогегельянца Бенедетто Кроче. Основная идея сводится к тому, что всякое языкознание должно быть эстетическим, а не историческим, и в этом возникают некоторые противоречия у самого Фосслера, на фоне рассуждений на эту же тему В. фон Гумбольдта, но это отдельная тема. Однако если Б. Кроче ведущую роль в процессе познания отводил интуиции, считая, что она получает свое развернутое воплощение в бесконечном множестве произведений искусства и составляет эстетику языка, то Фосслер пошел еще дальше, утверждая, что именно интуиция и эстетический вкус определяют структуру языка. В своих программных исследованиях «Позитивизм и идеализм в языкознании» (1904 г.), «Язык как творчество и развитие» (1905 г.), «Дух и культура в языке» (1925 г.) Фосслер приходит к выводу, что эстетика – это наука о выражении духа, интуиции, а язык – духовное самовыражение. Из чего следует, что история языка – это история духовных форм выражения, т.е. история искусства. Грамматика же является частью истории стилей или литературы, входя в состав филологии, поскольку в ней отражается всеобщая духовная история. По Фосслеру, главной задачей языкознания становится познание духа, который является единственной действующей причиной существования и изменения всех языковых форм. Он считает, что всякое изменение и развитие составляет продукт вкуса или эстетического чувства говорящего лица, при этом эстетический механизм может быть глубоко скрыт: «Идея языка есть поэтическая идея, истина языка есть поэтическая истина, осмысленная красота» (Фосслер, К., 1910).

К. Фосслера не случайно считают основоположником современной стилистики: «все лингвистические дисциплины он рассматривал как придаток стилистики» (Приорова, И.В., 2014). Он считал ее частью эстетики и царицей филологии. Однако в своих трудах ученый так и не пояснил, чем же стилистика в его понимании отличается от эстетики. Определить эти отличия, как нам представляется, можно только через его понимание изменчивости языка. Изменение языка Фосслер рассматривал через прогресс: абсолютный (результат индивидуально

духовного творчества) и относительный (результат коллективного духовного творчества). Это соотносится с его пониманием внутренней формы языка, которую Фосслер определял как «лингвистический вкус» или «лингвистическое чувство» (Приорова, И.В., 2014). На вопрос, кто (индивид или народ) является творцом языка, Фосслер отвечал однозначно: только личность как разносторонняя величина творит язык (ср.: языковая личность, говорящая личность), но не абстрактный индивид. Однако впоследствии под влиянием социологических идей, он признал, что язык немислим без множества личностей и их общности. Приоритет эстетики в языке Фосслер объяснял тем, что эстетическое начало господствует во всех изящных искусствах: в танце – язык жестов; в музыке – язык тонов; в живописи – язык красок и линий; в архитектуре – язык твердых тел; значит язык всех языков – это поэзия. Современное языкознание признает все эти сферы, но только как вторичные, а поэтичность языка – как одну из его функций. Однако, справедливости ради, нельзя не согласиться с тем, что поэты – это художники, которым дано извлекать «из языков народа язык сердца». Обыденная речь не так важна с точки зрения искусства, но «... мы порождаем словесные образы, мы все тоже являемся поэтами и художниками, правда, в обыденной жизни – весьма незначительными, посредственными, отрывочными и неоригинальными художниками. Наша обыденная речь не стоит того, чтобы ее подвергали анализу в качестве поэзии или искусства. Но крошечная словесная капля какого-нибудь болтуна... в конечном счете проистекает из того же источника, как бесконечный океан какого-нибудь Гете или Шекспира» (Фосслер, К., 1910).

Что касается изменчивости языка, то в этом вопросе Фосслер последовательно придерживается своих стилистических приоритетов безотносительно языковой системности. Нарушение нормы в языке, как мы ранее отмечали, «...он объясняет тем, что изменение понятий и формы слов начинается в стилистически маркированном контексте» (Приорова, И.В., 2014). В своей работе «Грамматика и история языка» в 1910 году Фосслер писал: «Каждая форма языка подчинена законам природы, всякое произвольное вмешательство есть глупость или болезнь. Но, значит, глупостью и произвольностью отличается, прежде всего, сама

академическая грамматика. Истинная грамматика представляет собой *закон природы*, ей не нужны никакие академические наставления» (Фосслер, К., 1910). Значит ли это, что язык не нуждается в норме, и ему не нужна правильность? Или это касается исключительно речи? Объясняя то, чем правильность отличается от истинности, К.Фосслер рассуждает так: «...предикаты истинного и правильного, стало быть, относятся друг к другу так, что при максимуме правильности достаточен минимум истины, а минимум правильности способен охватить максимум истины. ...В грамматике господствует *лингвистическая правильность*. Ни одна разумная грамматика не поднимает вопроса о *лингвистической истине*» (Фосслер, К., 1910). Если правильность, по Фосслеру, является внешней составляющей истинного в языке (экономической или технической) и не является собственно лингвистической истиной, то это снижает «авторитет» нормы в языке, а, следовательно, признается ее относительность, необязательность, что трудно совмещается с выдвинутой концепцией эстетики языка.

Видимо, здесь следует сослаться на то, что «...изменения нормы в языке начинаются со свободы выбора, которая существует между рекомендательным характером академической грамматики, критикуемой Фосслером, и внутренним чутьем носителя» (Приорова, И.В., 2014). Это говорит, прежде всего, о том, что «истинность» в языке весьма условна, а предпочтения появляются при естественном переходе бессознательного в сознательное. Слово реализует свои формальные варианты переходя из языка в речь как результат взаимодействия языка и мышления. Если семантика обеспечивает слову ассоциативную вариативность, то его семиотическая природа активизируется в линейной комбинаторности.

2. «Синхрония, диахрония и история» языка в трудах Э. Косериу логично продолжает начатую тему по вопросам эстетики языка и языковых изменений. Выдающийся лингвист Э. Косериу считается последователем де Соссюра, хотя он создал собственную теорию, которая, как и предыдущая, отличается оригинальностью. Его известная работа «Синхрония, диахрония и история» посвящена непосредственно проблеме языкового изменения. По мнению автора, проблема сама по себе содержит глубокое противоречие. Он пишет, что это отнюдь

не порочный круг, поскольку термин «язык» понимается в одном случае как «знание», как «языковой капитал», а в другом случае – как конкретное проявление этого знания в процессе говорения. Косериу предлагает «встать на почву речи», ибо только через нее можно охватить одновременно речь и язык: «язык дан в речи в то время, как речь не дана в языке» (Косериу, Э., 2001). Утверждать же, что речь – это «бессознательная» деятельность, и говорящие «не осознают» норм языка, на котором они говорят, нельзя. Это положение представляется Косериу ошибочным, и он предлагает от него отказаться, поскольку «...непатологическая деятельность бодрствующего сознания не бывает и не может быть бессознательной» (Косериу, Э., 2001). Эстетика системы языка, по Косериу, охватывает идеальные формы реализации конкретного языка, то есть технику, и эталоны для соответствующей языковой деятельности. Норма же включает исторически уже реализованные с помощью этой техники модели. Следовательно, через систему выявляется динамичность языка и его способность выходить за пределы уже реализованного, а норма соответствует фиксации языка в традиционных формах: «...именно в этом смысле норма в каждый данный момент представляет синхронное («внешнее» и «внутреннее») равновесие системы» (Косериу, Э., 2001).

В лингвистике понимание системы языка не может быть однозначным, и как бы привлекательна ни была идея «эстетики системы», она сталкивается с альтернативными взглядами. К их числу относятся убеждения Р.А. Будагова – известного русского ученого, который считал, что «...систему ни понять, ни описать невозможно без опоры на элементы и категории, ее составляющие и ее формирующие. Без взаимодействия частей и целого не может быть и целого, и системы» (Будагов, Р.А., 2001). Будагов исследовал самобытность языков через диахронические преобразования в социуме. Роль социальной среды, стимулирующей языковые изменения, оценивалась в «безинтернетном» XX веке с разных сторон. Вне интернет-коммуникации многое выглядело иначе, чем сегодня. Сравнивая лишь некоторые взгляды по ключевым вопросам языкознания, можно увидеть точки «схождения»/ «расхождения» и оценить жизнеспособность теоретических прогнозов в действительности.

3. Открытая дискуссия Р.А. Будагова с Э.Косериу развернулась в его работе «Язык и речь в кругозоре человека». Русский ученый признавал, что на современном этапе (XX век) обнаруживается причудливое сочетание двух несовместимых принципов: язык «сам в себе и для себя» и язык в социуме (социолингвистика). Однако эти принципы можно считать действительно не совместимыми, если социальное понимать глубоко как социальную природу самого языка, как его внутреннюю сущность. Если же, по мнению Будагова, «социальное сводить только к внешним условиям бытования языка, а сам язык рассматривать как замкнутую структуру» (Будагов, Р.А., 2001), то эти же принципы оказываются вполне совместимыми. Размышляя о своеобразии отдельного языка и его эстетической «наполняемости», Будагов отмечает, что «...наряду с общей соотнесенностью языка и действительности, у каждого языка есть еще и дополнительные признаки, как бы конкретизирующие подобную соотнесенность» (Будагов, Р.А., 2001), а «...расхождения между языками, в том числе и родственными, явление совсем иного рода, чем отношения каждого языка к реальности» (Будагов, Р.А., 2001). Если реальность эстетична, то активизируются эстетические ресурсы системы, поэтому «...специфику языка надо искать не в изоляции языка от реальности, а в характере и особенностях взаимодействия между языком и реальностью» (Будагов, Р.А., 2001). Будагов подчеркивал: «Каждый живой язык, завися от реальности, вместе с тем подобную зависимость может выражать и так, как другие языки, и не так, как другие языки, своеобразно, по-своему. Поэтому никак нельзя согласиться с Косериу, будто бы грамматическая идиоматика преграждает путь языку к реальности» (Будагов, Р.А., 2001).

Фосслера и Косериу объединяет признание того, что говорящие владеют языковым инструментом, поэтому могут сохранять или не сохранять норму и творить в рамках системы. Оба сходятся в том, что в качестве «передаваемого знания (а не просто сугубо личного "навыка") знание языка есть факт культуры» (Косериу, Э., 2001) без знаковости. Будагов видит в этом противоречие, потому что система не может обойтись без категории знаковости: «...хотя все национальные языки оперируют и в лексике, и в грамматике двусторонними единицами, в самой этой

двусторонности может выделяться либо категория значения, либо категория знаковости» (Будагов, Р.А., 2001). Как же быть с эстетикой системы языка (по Косериу), которая охватывает идеальные формы реализации конкретного языка «...в эпоху научно-технической революции», когда «сам язык превращается в чисто техническое средство, в "язык-знак"» (Будагов, Р.А., 2001). Будагов отрицает эстетическую идеализацию системы языка: «Он только называет, только утверждает или отрицает, избегает всяких "сантиментов", стремится быть точным и лаконичным. "Язык-знак" вытесняет "язык-внушение"» (Будагов, Р.А., 2001).

3.1. Если «эстетика» Фосслера перетекает в «культуру» Косериу, поскольку в их представлении в реальном языке совпадают системное, культурное, социальное и историческое: «В самом деле, человек обладает не только знанием о вещах через посредство языка, но и знанием самого языка. В этом смысле культурный аспект языка – это сам язык как совокупность языковых навыков» (Косериу, Э., 2001), то у Будагова «сталкиваются две противоположные тенденции: одна из них, упрощая язык, движет его по направлению к "языку-знаку", другая, обращая внимание на способ выражения мыслей и чувств людей, ...влечет язык по направлению к "языку-внушению"» (Будагов, Р.А., 2001). «Индивидуальный язык» (по Косериу) соотносится с «разносторонней личностью» Фосслера. Однако Косериу подчеркивает, что язык не является строго индивидуальным. Будучи строго «индивидуальным», этот язык не является языком, поскольку «...язык – это условие или инструмент языковой свободы, понимаемой как историческая свобода, а инструмент, которым пользуются, – это не тюрьма и не оковы» (Косериу, Э., 2001).

Итак, если язык – это инструмент особой природы как «система возможностей», то он является «также инструментом для преодоления самого себя» (Косериу, Э., 2001), а факторы изменения языка существуют в самом языке. Если изменение – это появление нового элемента в языке, точнее распространение инновации, то для нее в данном состоянии языка должны быть найдены условия, благоприятные для ее межиндивидуального принятия. Эти условия изменения являются исключительно культурными и функциональными и могут быть обнаружены в любом состоянии языка. Язык – это умение творить, и он изменяется

именно как знание, но, с другой стороны, подчеркивает Косериу, язык является совокупностью системных особенностей и может изменяться только системно. По этому вопросу взгляды Фосслера и Косериу не совпадают. Оставаясь последователем де Соссюра, Косериу не мог отказаться от того, что «...если в любом состоянии языка можно обнаружить систему, то значит, язык является системой в любой момент, т.е. он эволюционирует как система» (Косериу, Э., 2001). Здесь Косериу ближе к Будагову, но далее он добавляет, что «... изменения проявляются в синхронии с точки зрения культуры в "спорадических" формах, в так называемых типичных ошибках по отношению к установленной норме и в иносистемных особенностях, наблюдаемых в речи» (Косериу, Э., 2001). Благоприятными для изменения языка Косериу считает «разнообразие (региональное или социальное) языковых навыков – в пределах одного и того же исторического языка – и слабость этих навыков в эпоху культурного упадка или в социальных группах низкой культуры» (Косериу, Э., 2001). Утверждение Косериу, что изменения в языке – это не «искажение» или «повреждение», а восстановление, обновление системы, которое обеспечивает непрерывность ее функционирования, говорит в пользу точки зрения об относительности нормы в «системе возможностей» языка. Именно благодаря этому система сохраняется до тех пор, пока не произойдет «мутация», «полный переворот нормы в том или ином направлении» (Косериу, Э., 2001).

3.2. Признание или непризнание «системы возможностей», по мнению Будагова, соотносится с тем, что «среди очень пестрых грамматических теорий можно выделить две основные противоположные теории (субстанциональную и антисубстанциональную). Субстанциональная теория исходит из убеждения о наличии реальной материи любого естественного языка, из убеждения во взаимодействии языка и мышления, формы и содержания (в широком смысле). Антисубстанциональная теория, напротив, рассматривает язык «как знаковую систему» (Будагов, Р.А., 2001). В работе Косериу, в большей степени отражающей субстанциональность, встречается очень «модный» для сегодняшнего дня термин *инновация*: «Все то, в чем сказанное говорящим (рассматриваемое с точки зрения языковых закономерностей) отклоняется от моделей, существующих в языке, может

быть названо *инновацией*. Допущение инноваций со стороны слушающего в качестве модели для дальнейших высказываний можно назвать принятием» (Косериу, Э., 2001). Итак, по Косериу, инновация есть преодоление языка; принятие – приспособливание языка, а точнее, языковых навыков для преодоления его самого; это не механическое воспроизведение, это всегда выбор. Следовательно, «принятие» – это акт, определяемый культурой, вкусом, практическим разумом, который К.Фосслер называл внутренним чутьем, заменяющим академические предписания. И в этом состоит косвенное совпадение взглядов: признание первичности эстетики в процессе изменчивости языка сближает взгляды Фосслера и Косериу. Однако и Будагов не отрицал роль личности в развитии языка, считая, что на изменчивость языка влияет индивидуальность носителя, который осваивает потенциал системных ресурсов: «Сила человека в его универсальности. Следует сказать и о человеческом языке» (Будагов, Р.А., 2001).

ВЫВОДЫ

Итак, К.Фосслер, Э.Косериу и Р.А.Будагов рассматривали вопрос изменчивости языка через норму, поскольку именно она воспроизводит потенциальные возможности языковой системы, давая ей эволюционировать. Следовательно, «...с точки зрения языковых навыков постоянно наблюдается несоответствие между знанием системы и знанием нормы» (Косериу, Э., 2001)

Если «знание нормы означает более высокую степень культуры» (Косериу, Э., 2001) человека, то, следовательно, это должно стимулировать более высокий уровень культуры общества в целом.

Эволюционирующая система в условиях данной закономерности не может обойтись без нормы, ибо норма постоянна в своей изменчивости. Выполняя роль эстетического маркера, она функционирует и как комбинаторная, и как вариативная единица языка.

Таким образом, эстетичность языка (по К. Фосслеру), активно меняющуюся под прессингом современной интернет-коммуникации, следует рассматривать как очередной этап совершенствования языка (по Будагову), что позволит в динамике нового времени оценить языковые преобразования в единстве системы и нормы (по

Косериу).

Перспектива подобных сопоставлений не очень «модных» и незаслуженно забытых теоретических разработок видится нам в том, что прогнозы из прошлого, согласно которым происходящие языковые преобразования открывают новые возможности современного коммуникативного пространства на очередном этапе его перезагрузки, многое объясняют в состоянии языка XXI века.

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ՑԱՆԿ

Будагов, Р.А. (2001). *Язык и речь в кругозоре человека*. Москва: Добросвет.

Косериу, Э. (2001). *Синхрония, диахрония и история (проблема языкового изменения)* (Vol. 2). Москва: Эдиториал УРСС.

Приорова, И.В. (2011). *Взаимодействие парадигматики и синтагматики в русском языке (на примере свойств и функций несклоняемых имен)*. Астрахань: АГУ.

Приорова, И.В. (2014). К вопросу об эстетике слова и креативе мысли: от Пушкина до. . . *Актуальные Проблемы Современного Языкознания И Методики Преподавания Языка*, 189–194.

Приорова, И.В. (2015). Стилистика в концепции эстетического идеализма XX века. *Стилистика Сегодня И Завтра: Материалы IV Международной Научной Конференции*, 474–478.

Приорова, И.В. (2016). Р.А. Будагов о структуре, норме и эстетике языка в диалоге с Э. Косериу и К. Фосслером. *Текст, Структура И Семантика*, 87–96.

Фосслер, К. (1910). *Грамматика и история языка (к вопросу об отношении между «правильным» и «истинным» в языковедении)* (Vol. 1). Москва: Логос.

REFERENCE LIST

Budagov, R.A. (2001). *YAzyk i rech' v krugozore cheloveka (Language and speech in the human horizon)*. Moskva: Dobrosvet.

- Koseriu, E.** (2001). Sinhroniya, diahroniya i istoriya (problema yazykovogo izmeneniya) (*Synchrony, diachrony and history (the problem of language change)*). (Vol. 2). Moskva: Editorial URSS.
- Priorova, I.V.** (2011). Vzaimodejstvie paradigmтики i sintagmaticки v russkom yazyke (na primere svoystv i funkcyj nesklonyaemyh imen) (*Interaction of paradigmatics and syntagmatics in the Russian language (by the example of properties and functions of indeclinable names)*). Astrahan': AGU.
- Priorova, I.V.** (2014). K voprosu ob estetike slova i kreative mysli: ot Pushkina do ... (*To the question of the aesthetics of the word and the creativity of thought: from Pushkin to ...*) Aktual'nye Problemy Sovremennogo YAzykoznanija I Metodiki Prepodavaniya YAzyka, 189–194.
- Priorova, I.V.** (2015). Stilistika v koncepcii esteticheskogo idealizma HKH veka (*Stylistics in the concept of aesthetic idealism of the twentieth century*). Stilistika Segodnya I Zavtra: Materialy IV Mezhdunarodnoj Nauchnoj Konferencii, 474–478.
- Priorova, I.V.** (2016). R.A. Budagov o strukture, norme i estetike yazyka v dialoge s E. Koseriu i K. Fosslerom (*R.A. Budagov on the structure, norm and aesthetics of language in dialogue with E. Coseria and K. Vossler*). Tekst, Struktura I Semantika, 87–96.
- Fossler, K.** (1910). Grammatika i istoriya yazyka (k voprosu ob otnoshenii mezhdru «pravil'nym» i «istin'nym» v yazykovedenii) (*Grammar and the history of language (on the question of the relationship between "correct" and "true" in linguistics)*). (Vol. 1). Moskva: Logos.

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

XX ԴԱՐԻ ԼԵՋԱԲԱՆԱԿԱՆ ԵՐԵՔ ՀԱՅԵՑԱԿԱՐԳԻ ՀԱՄԱՌՈՏ
ՇԱՐԱԴՐԱՆՔՈՒՄ ԱՌԱՆՑ ՀԱԿԱՍՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ՔՆՆԱՐԿՈՒՄ

ԻՐԻՆԱ ՊՐԻՈՐՈՎԱ

Հոդվածում քննարկվում է լեզվի հետևողականության և գեղագիտության

վերաբերյալ հարցերը՝ համեմատելով 20-րդ դարի երեք նշանավոր լեզվաբանների տեսակետները: Լեզվական տրանսֆորմացիայի շարունակականության մասին նրանց դատողություններն առանձնանում են իրենց ինքնատիպությամբ՝ լեզվի համակարգի խնդիրների ու նորմերի առումով: Չնայած Կ.Ֆոսլերը, Է.Կոսերիուն և Ռ.Ա. Բուդագովը տարբեր կերպ են հասկանում լեզվի գեղագիտական գործառույթը, այդուհանդերձ, նրանց հայացքները միավորվում են լեզվի նորմով: Երեք անկախ լեզվական ուսմունքների համեմատությունը ներկայացված է որպես յուրատեսակ քննարկում՝ առանց հակասությունների համակարգի և նորմայի վերլուծության, լեզվի գեղագիտության և լեզվական ձևի: Լեզվական նորմի փոփոխությունը ցանկացած ազգային լեզվի անխուսափելի գործընթաց է և հստակ տեսանելի է ֆունկցիոնալ մակարդակում: Հետևաբար, նորմը փոխելու մեխանիզմները կախված չեն լեզվի և դրա մակարդակների համակարգային բնույթի ճանաչումից կամ չճանաչումից, այլ խիստ փոխկապակցված են լեզվի գեղագիտական գործառույթի հետ: Լեզվի գեղագիտական գործառույթն ինքնին հետաքրքրում է լեզվաբաններին, հատկապես, երբ ժամանակների փոփոխության ընթացքում տեղի են ունենում էական տեղաշարժեր լեզվական նորմի կարծրատիպային ընկալման առումով:

Քանալի բառեր՝ գեղագիտական իդեալիզմ, գեղագիտական ռեսուրսներ, լեզվի շարժընթաց, ժեստերի լեզու, հուշող լեզու, համակարգային հավասարակշռություն, լեզվական հմտություններ:

ABSTRACT

DISCUSSION WITHOUT CONTRADICTIONS IN BRIEF STATEMENT OF THREE LINGUISTIC CONCEPTS OF THE XX CENTURY

IRINA PRIOROVA

The article discusses the consistency and aesthetics of language in comparison of the views of three outstanding linguists of the 20th century. Their judgments about the continuity of linguistic transformation are distinguished by originality. Despite the fundamentally different approaches of K. Fossler, E. Coceriu and R.A. Budagov in comprehending the aesthetic function of language, their views are united by the norm of the language. Comparison of three independent linguistic positions is built as a kind of

discussion without contradictions on the analysis of the system and norm, the aesthetics of language and linguistic form. Forecasts on these issues are updated especially hard during periods of a serious reboot of the communicative space. Changing the regulatory framework is an inevitable process of any national language and is clearly visible at the functional level. Therefore, the mechanisms for changing the norm do not depend on the recognition or non-recognition of the systemic nature of the language and its levels, but strictly correlate with the aesthetic function. The aesthetic function of language itself is of interest to linguists especially when tectonic shifts of the standard positions of the norm occur in the changing times.

Key words: aesthetic idealism, aesthetic resources, dynamism of language, language-sign, language-suggestion, system balance, language skills.

Հոդվածը ստացվել է՝ 25.01.2023թ.

Հոդվածն ուղարկվել է գրախոսման՝ 26.01.2023թ.

Հոդվածը երաշխավորվել է հրատարակման՝ 07.03.2023թ.